

ОГНЕННЫЙ БАСЕЙН

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ДЖОН
КРИСТОФЕР

Джон Кристофер
Огненный бассейн
Серия «Триподы», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134098
Огненный бассейн: АСТ; Москва; 2002
ISBN 5-17-015306-6

Аннотация

Джон Кристофер – признанный классик английской научной фантастики, дебютировавший еще в 50-е годы XX века и впоследствии по праву занявший высокое место в мировой фантастике.

Отечественному читателю творчество Кристофера знакомо в основном по переведенным еще в 60-е – 70-е годы рассказам, однако истинную славу ему принесли **романы**. Романы, достойно продолжающие традиции классической британской «фантастики катастрофы», идущие еще от Герберта Уэллса. Романы, сравнимые по силе воздействия только с произведениями Джона Уиндэма...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джон Кристофер Огненный бассейн

Глава 1 План действий

Везде звучала вода. Иногда это был слабый шепот, слышный только из-за тишины вокруг; иногда причудливое отдаленное журчание, как будто какой-то гигант разговаривал с собой в глубинах земли. Но в некоторых местах журчание звучало чисто и громко, и было видно течение в свете масляных ламп: вода вырывалась из-под каменной стены и падала с крутого обрыва водопадом. А кое-где вода лежала спокойно в черных глубинах... капли падали бесконечные столетия и будут падать еще бесконечно долго.

Меня освободили от охраны для участия в совещании, и поэтому я шел по тускло освещенному коридору поздно и в одиночестве.

Потолок пещеры, где происходило совещание, уходил во тьму, которую не могли рассеять лучи наших слабых ламп; мы сидели под конусом ночи, в которой не сверкала ни одна звезда. На стенах мерцали лампы, такие же стояли на столе, за которым на самодельных деревянных стульях сидели Джулиус и его ближайшие помощники. Джулиус встал, чтобы поздороваться со мной, хотя многие физические действия причиняли ему неудобство или даже боль. Ребенком он упал в пропасть и на всю жизнь остался калекой. Сейчас он был стариком, седовласым, но розовощеким от долгих лет, проведенных в разреженной атмосфере Белых гор.

– Садись рядом, Уилл, – сказал он. – Мы только начали.

Прошел месяц с тех пор, как мы с Бинполом пришли сюда. Вначале я рассказал Джулиусу и другим членам совета все, что знал, и передал образцы зеленого воздуха хозяев и воды из города, которые мне удалось принести с собой. Я ожидал немедленных действий, хотя не знал, каких именно. К Земле приближался большой корабль с родной планеты хозяев. Он вез машины, которые превратят земную атмосферу в пригодную для дыхания хозяев, чтобы они смогли выйти из-под защитных куполов своих городов. Люди и все другие живые существа Земли задохнутся. Мой хозяин сказал мне, что корабль прибудет через четыре года. Времени оставалось мало.

Джулиус как будто обращался ко мне, отвечал на мои сомнения. Он сказал:

– Я знаю, многим из вас не терпится. Так и должно быть. Мы знаем, какая огромная задача стоит перед нами, знаем ее важность. Не может быть никаких извинений для неоправданной траты времени. Важен каждый день, каждый час, каждая минута.

Но не менее важно и другое. Именно потому, что события так торопят, мы должны все тщательно обдумать, прежде чем начать. Мы не можем допускать неверных ходов. Поэтому совет долго и напряженно думал, прежде чем выработать план действий. Сейчас я расскажу вам о нем в общих чертах, но у каждого из вас есть в нем своя роль, и об этом он узнает позже.

Он замолчал, и я увидел, как встал кто-то из сидящих за столом. Джулиус спросил:

– Вы хотите говорить, Пьер? Вы знаете, позже для этого будет возможность.

Когда мы в первый раз пришли в Белые горы, Пьер был членом совета. Это был смуглый человек с трудным характером. Мало кто решался спорить с Джулиусом, а он мог. Я знал, что он был против нашей экспедиции в город золота и свинца и против решения покинуть Белые горы. В конце концов он вышел из совета или был исключен из него: мне трудно

судить об этом. Он пришел с юга Франции, с тех гор, что находятся на границе с Испанией. Пьер сказал:

– То, что я собираюсь сказать, Джулиус, лучше сказать сейчас, чем потом.

Джулиус кивнул:

– В таком случае говорите.

– Вы сказали, что совет познакомит нас с планами. Вы говорили о нашем участии в планах, о том, что каждому из нас отведена своя роль. Я хочу напомнить вам, Джулиус: перед вами свободные люди, а не люди в шапках. Нам следует не приказывать, а спрашивать у нас. Не только вы и ваш совет должны решать, как сражаться с треножниками. Есть и другие, у которых хватит мудрости. Все свободные люди равны, и им должны быть предоставлены равные права. Этого требует не только справедливость, но и здравый смысл.

Он замолчал, но продолжал стоять среди более ста человек, собравшихся в подземном зале. Снаружи царил зима, холмы покрыл снег, но здесь мы были защищены толстым слоем скал. Здесь температура никогда не менялась, и одно время года ничем не отличалось от другого.

Джулиус помолчал недолго, потом сказал:

– Свободные люди правят собой по-разному. Живя и работая совместно, они должны частично отказаться от своей свободы. Разница между нами и людьми в шапках в том, что мы отказываемся от нее добровольно, с радостью, ради общей цели, тогда как их разум поработан чуждыми существами, которые обращаются с ними, как со скотом. Есть и другая разница. Свободные люди отказываются от своей свободы лишь временно. И делают это по согласию, а не из-за хитрости или силы. И это соглашение всегда может быть расторгнуто.

– Вы говорите о соглашении, Джулиус, – сказал Пьер, – на чем основана ваша власть? На совете. А кто назначил совет? Сам совет под вашим контролем. Где же тут свобода?

– На все свое время, – ответил Джулиус, – будет время обсудить и вопрос, какую форму правления нам избрать. Но этот день придет лишь тогда, когда будут уничтожены те, кто сегодня правит человечеством. До этого у нас нет возможности для обсуждения и споров.

Пьер начал что-то говорить, но Джулиус поднял руку и заставил его замолчать.

– Сейчас не должно быть разногласий и сомнений. Возможно, то, что вы говорите, справедливо, независимо от мотивов, которыми вы руководствуетесь; соглашение заключается свободными людьми и может быть расторгнуто. Оно может быть и подтверждено. Итак, я спрашиваю: пусть тот, кто сомневается в праве совета говорить от имени всех, встанет.

Он замолк. В пещере наступило молчание, слышался только бесконечный отдаленный шум воды. Мы ждали. Никто не встал. Когда прошло достаточно времени, Джулиус сказал:

– Вам не хватает поддержки, Пьер.

– Сегодня. Но посмотрим, что будет завтра.

Джулиус кивнул:

– Вы хорошо сделали, что напомнили мне. Поэтому я спрошу еще кое о чем. Я прошу вас признать совет нашим правительством, пока не настанет время, когда те, что называют себя хозяевами, потерпят полное поражение. – Он помолчал. – Прошу встать тех, кто за это.

На этот раз встали все. Итальянец по имени Марко сказал:

– Я предлагаю изгнать Пьера за сопротивление воле общины.

Джулиус покачал головой:

– Нет. Никаких изгнаний. Мы нуждаемся в каждом человеке. Пьер тщательно исполнит свой долг, я знаю это. Слушайте. Я расскажу вам о нашем плане. Но вначале Уилл расскажет вам о том, как выглядит изнутри город наших врагов. Говори, Уилл.

Раньше меня просили временно хранить молчание и не отвечать на расспросы. В обычном состоянии мне было бы это нелегко. Я разговорчив по природе, а голова моя забита чудесами, которые я видел в городе, – чудесами и ужасами.

Но настроение мое в это время не было нормальным. На обратном пути с Бинполом вся моя энергия уходила на преодоление трудностей и опасностей, на размышления не оставалось времени. Но после возвращения в пещеры стало по-другому. В мире вечной ночи и тишины я смог думать, вспоминать и чувствовать угрызения совести. Я обнаружил – мне не хочется говорить с другими о том, что я видел, и о случившемся.

Теперь, услышав предложение Джулиуса, я смутился. Начал неуверенно, с остановками и повторами. Но постепенно я успокоился и заметил, с каким напряжением они слушают меня. Меня самого увлекли воспоминания об этом ужасном времени, о том, как ужасно было сгибаться под тяготением мира хозяев, потеть в неумной жаре и влажности, смотреть, как слабеют и падают другие рабы, не выдержав напряжения, и знать, что меня ждет такая же судьба. Такой оказалась и судьба Фрица. Бинпол позже сказал, что я говорил страстно и легко, что обычно мне не свойственно. Когда я кончил и сел, наступила тишина, которая говорила о том, как глубоко поражена услышанной аудиторией.

Потом снова заговорил Джулиус:

– Я хотел, чтобы вы выслушали Уилла, по нескольким причинам. Одна из них: его рассказ – это свидетельство очевидца. Вы сами слышали и убедились в этом. Он все это видел. Другая причина: я хотел подбодрить вас. Хозяева обладают колоссальной властью и силой. Они преодолели неизмеримые расстояния между звездами. Наша жизнь по сравнению с их долгой жизнью кажется танцем бабочки-однодневки над текущей рекой. И все же...

Он замолчал и с удивительной улыбкой посмотрел на меня.

– И все же Уилл, обычный парень, не умнее большинства, даже меньше других ростом, он, этот Уилл, ударил и убил одного из чудовищ. Ему, конечно, повезло. У хозяев есть место, уязвимое для удара, и Уиллу удалось узнать о нем. Но остается фактом, что он убил одного из них. Они вовсе не всемогущи. Этот факт должен подбодрить нас. То, чего Уилл добился благодаря удаче, мы можем достигнуть подготовкой и решительностью.

Это приводит меня к третьему пункту, к третьей причине, по которой я хотел, чтобы вы послушали Уилла. Это тем более существенно, что речь пойдет о неудаче. – Он посмотрел на меня, и я почувствовал, что краснею. Джулиус спокойно и неторопливо продолжал: – Хозяин стал подозревать Уилла, найдя в его комнате записи о городе и его обитателях. Уилл не думал, что хозяин зайдет в его комнату, где ему приходится надевать маску; но это было поверхностное суждение. Уилл знал, что его хозяин больше других заботится о рабах, что он уже раньше бывал в убежище, организуя там мелкие удобства, и, следовательно, мог побывать еще раз. Следовало предположить, что он зайдет туда еще и обнаружит книгу с записями.

Он говорил спокойно, размышляя, а не критикуя, но тем больший стыд и замешательство я ощущал.

– Уилл с помощью Фрица сумел наилучшим образом использовать ситуацию. Он бежал из города и сообщил нам сведения, ценность которых невозможно определить. Но можно было добиться и большего. – Глаза Джулиуса снова остановились на мне. – Если бы все было рассчитано заранее, Фриц тоже мог бы вернуться. Он передал часть своих сведений через Уилла, но, конечно, лучше было бы, если бы он рассказал обо всем сам. В нашей борьбе ценна каждая крупица знаний.

Затем Джулиус говорил о том, что у нас мало времени, что из глубин космоса приближается большой корабль, а с ним смерть для всего живого на Земле. И он сообщил нам о решении совета.

Самое главное заключалось в том, чтобы ускорить – в десять, сто, даже тысячу раз – привлечение к нам молодежи. Для этого пойдут все, кто может, убеждая и обучая молодых людей по всему миру. Должны повсюду возникать очаги сопротивления и вызывать к жизни другие новые очаги. У совета есть карты, и он скажет, куда идти... В особенности необхо-

димы такие очаги по соседству с двумя другими городами хозяев – один за тысячи миль к востоку, другой – за большим океаном на западе. Возникла при этом проблема языка. Возникли и другие проблемы, на первый взгляд, неразрешимые. Но их нужно разрешить. Не должно быть слабости, отчаяния – ничего, кроме решимости отдать последнюю каплю энергии и сил общей цели.

Разумеется, этот курс связан с возможностью насторожить хозяев. Может, они и не станут особенно тревожиться, так как их план близок к осуществлению. Но нам следует подготовиться к контрмерам. У нас должен быть не один штаб, а дюжина, сотня – и каждый должен быть способен действовать самостоятельно. Совет рассеется, и члены его будут переезжать с места на место, встречаясь лишь изредка, с должными предосторожностями.

Такова первая часть плана – мобилизация всех сил, способных бороться, разведка и организация колоний вне пределов досягаемости трех вражеских городов. Но есть и вторая часть, может быть, более важная. Поиски средств для уничтожения врага. А это означает напряженную работу и испытания. Должна быть создана особая база, но лишь непосредственно связанные с ее работой будут знать, где она находится. С ней связаны все наши надежды. Ее мы не смеем обнаруживать перед хозяевами.

– Теперь я сказал все, что мог. Позже вы получите индивидуальные указания и карты. Есть ли у кого-нибудь вопросы или предложения? – закончил Джулиус.

Все молчали, даже Пьер.

– Тогда можно расходиться. – Джулиус помолчал. – Мы в последний раз собрались все вместе. Следующий раз соберемся после выполнения задуманного. Задача наша ужасна и грандиозна, но мы не должны бояться. Ее можно решить. Но только если каждый из нас все сделает для ее решения. Идите, и да будет с вами Бог.

Сам Джулиус давал мне инструкции. Мне предстояло отправиться на юг и восток, с вьючной лошастью, выдавая себя за торговца, набирая добровольцев, организуя сопротивление. Потом мне предстояло вернуться с докладом в центр.

– Тебе все ясно, Уилл?

– Да, сэр.

– Посмотри на меня, Уилл.

Я поднял голову. Джулиус сказал:

– Мне кажется, тебе все еще больно от моих слов после твоего рассказа на собрании.

– Я понимаю, что ваши слова были справедливы, сэр.

– Но их не легче переносить, особенно если рассказываешь о храбрости, изобретательности и мужестве, а потом все это оказывается окрашенным в иной цвет.

Я не отвечал.

– Слушай, Уилл. Я сделал это сознательно. Мы сами должны устанавливать себе нормы, и эти нормы должны быть высокими, почти невозможными. Я использовал твой рассказ, чтобы вывести мораль: неосторожность одного человека может погубить всех – не должно быть самоуспокоения; сколько бы мы ни сделали, предстоит сделать еще больше. Но теперь я могу сказать: то, что сделали вы с Фрицем, имеет для нас огромное значение.

– Фриц сделал больше. И он не вернулся.

Джулиус кивнул.

– Придется тебе это перенести. Важно, что один из вас вернулся, что мы не потеряли год из того короткого времени, что у нас осталось. Нам всем придется привыкнуть к утратам, а горе должно спясть нас.

Он положил мне руку на плечо.

– Я знаю тебя и поэтому говорю так. Ты запомнишь это, но запомнишь и мои слова на совете. Верно, Уилл?

– Да, сэр. Запомню.

Мы втроем – Генри, Бинпол и я – встретились в найденном мною месте, у расселины высоко в скале; через расселину пробивался дневной свет, его вполне хватало, чтобы мы могли видеть друг друга без помощи лампы. Это место находилось довольно далеко от жилой части пещеры, но мы любили приходить сюда из-за напоминания о внешнем мире; обычно лишь во время дежурств у выходов можно было убедиться в том, что этот мир по-прежнему существует, что где-то есть свет, ветер, дождь. А мы жили в постоянной темноте и непрерывном журчании и капании подземных вод. Однажды, когда снаружи бушевала буря, капли дождя проникли в трещину, и маленький ручеек потек в пещеру. Мы подставили лица под капли, наслаждаясь прохладной влажностью. Нам казалось, что дождь приносит с собой запах деревьев и растений.

Генри сказал:

– Мне предстоит переправиться через западный океан. Мы пойдем на «Орионе» с капитаном Куртисом. Он рассчитал свой экипаж в Англии, остался лишь один моряк с фальшивой шапкой. Вдвоем они приведут корабль в порт на западе Франции, там мы присоединимся к ним. Нас будет шестеро. Земля, куда мы направляемся, называется Америка, а население там говорит на английском языке. А ты, Уилл?

Я коротко ответил. Генри кивнул, очевидно, считая свое поручение более важным и интересным. Я был с ним согласен, но это меня теперь не трогало.

– А ты, Бинпол?

– Не знаю, куда именно.

– Но ты получил назначение?

Он кивнул.

– На исследовательскую базу.

Этого и следовало ожидать. Бинпол принадлежал к тем людям, которые нужны, чтобы тщательно продумать нападение на хозяев. Наше трио должно разойтись, подумал я. Но это не имело особого значения. Мысли мои были с Фрицем. Джулиус был совершенно прав: я все время вспоминал его слова, и мне было стыдно. Еще одна-две недели подготовки, и мы бежали бы вдвоем. Моя неосторожность ускорила события и привела к гибели Фрица. Мысль горькая, но неизбежная.

Генри и Бинпол разговаривали, а я молчал. Они заметили это. Генри сказал:

– Ты очень молчалив, Уилл. Что случилось?

– Ничего.

Он настаивал:

– В последнее время ты мрачен.

Бинпол сказал:

– Я читал когда-то об американцах, о той земле, куда ты направляешься, Генри. Кажется, у них красная кожа, они одеваются в перья, носят с собой топоры и бьют в барабаны, когда начинают войну, а когда заключают мир, курят трубку.

Бинпол всегда слишком интересовался предметами – как они устроены, как действуют, – чтобы обращать внимание на людей. Но я понял, что он заметил мое настроение и догадался о его причине – ведь именно он ждал со мной Фрица из города и добирался со мной – и теперь пытается отвлечь Генри от расспросов. Я был благодарен ему за это и за ту чепуху, что он рассказывал.

Предстояло многое сделать до выхода.

Меня учили торговать, рассказывали о странах, в которых мне предстояло побывать, учили языкам, советовали, как организовать ячейку сопротивления и что говорить, когда я уйду. Все это добросовестно запоминал я с твердой решимостью больше не допускать ошибок. Но плохое настроение не покидало меня.

Генри выступил раньше меня. Он отправился в отличном настроении вместе с Тонио, который был моим спарринг-партнером и соперником при подготовке к играм. Все они были очень веселы. Все в пещерах казались веселыми, кроме меня; Бинпол пытался развеселить меня, но безуспешно. Потом меня вызвал Джулиус. Он прочел мне лекцию о самоистязании, о том, что нужно извлечь хороший урок из прошлого, чтобы не допускать подобных ошибок в будущем. Я слушал, вежливо соглашался, но плохое настроение меня не покидало. Джулиус сказал:

– Ты воспринимаешь это неверно, Уилл. Ты плохо переносишь критику, особенно от самого себя. Но такое настроение делает тебя менее пригодным для выполнения задач, поставленных советом.

– Задание будет выполнено, сэр, – сказал я. – И выполнено вовремя. Я обещаю это.

Он покачал головой:

– Не уверен, что такое обещание поможет тебе. Другое дело, если бы у тебя был характер Фрица. Да, я говорю о нем, хотя тебе и больно. Фриц был меланхолик по натуре и легко переносил печаль. Ты сангвиник и нетерпелив, с тобой совсем другое дело. Угрызения совести и сожаления могут привести тебя к болезни.

– Я сделаю все возможное.

– Знаю. Но достаточно ли будет этого. – Он задумчиво посмотрел на меня. – Ты должен был выйти через три дня. Я думаю, мы отложим выход.

– Но, сэр...

– Никаких «но», Уилл. Таково мое решение.

– Я готов, сэр. А у нас нет времени.

Джулиус улыбнулся.

– В этом есть что-то от неповиновения, значит, не все еще потеряно. Но ты забыл уже, что я говорил на последнем совете. Мы не можем допустить неверных ходов или планов или недостаточно подготовленных людей. Ты пока останешься здесь, парень.

В тот момент я ненавидел Джулиуса. Даже пережив это, я продолжал негодовать. Уходили другие, и собственная бездеятельность раздражала меня. Тянулись темные бессолнечные дни. Я знал, что должен изменить свое отношение, и не мог. Я пытался изобразить веселье, но знал, что это не обманет никого, тем более Джулиуса. Наконец Джулиус снова вызвал меня.

Он сказал:

– Я думал о тебе, Уилл. Мне кажется, я нашел ответ.

– Я могу выступить, сэр?

– Подожди, подожди! Ты знаешь, торговцы разъезжают парами, чтобы иметь товарища и чтобы в случае необходимости защитить товары. Хорошая идея – дать тебе такого товарища.

Он улыбался. В гневе я ответил:

– Я вполне управлюсь и сам, сэр.

– Но если вопрос стоит так: идти вдвоем или остаться здесь – что ты выберешь?

Похоже, он считал меня не способным выполнить задание в одиночку. Но ответ мог быть только один. Я угрюмо ответил:

– Я выполню ваше решение, сэр.

– Хорошо, Уилл. Тот, кто пойдет с тобой... ты хочешь увидеть его сейчас?

Он улыбался. Я стесненно ответил:

– Да, сэр.

– В таком случае... – Его глаза устремились во тьму в глубине пещеры, где ряд известняковых столбов создавал каменный занавес. – Подойди.

Появилась фигура человека. Мне показалось, что глаза обманывают меня. Легче было считать так, чем поверить в возвращение из мертвых.

Потому что это был Фриц.

Позже он рассказал мне, что произошло. Убедившись, что река унесла меня под золотую стену, он вернулся и, как мог, замел мои следы, рассказывая другим рабам, будто я обнаружил своего хозяина мертвым в бассейне и прямиком отправился к месту счастливого освобождения, не желая оставаться в живых после смерти хозяина. Его рассказ никого не удивил, и Фриц готовился последовать за мной. Но тяжелые условия жизни вместе с дополнительным напряжением бессонной ночи сказались на нем. Он упал вторично и был доставлен в больницу для рабов.

Мы условились с ним, что если я выберусь, то буду три дня ждать его. Прошло гораздо больше времени, прежде чем он смог встать с постели, и он решил, что я ушел. На самом деле мы с Бинполом ждали его 12 дней, прежде чем отчаяние и снег заставили нас уйти; но Фриц, конечно, этого не знал. Поверив в мой уход, он начал снова, как это характерно для него, медленно и логично обдумывать все заново. Он решил, что выход под водой будет труден – я погиб бы, если бы Бинпол не вытащил меня из реки, – и знал собственную слабость. Ему нужно было окрепнуть, а больница для этого вполне годилась. Оставаясь в ней, он избегал побоев хозяина и тяжелой работы, которую обычно должен был выполнять. Он оставался там две недели, изображая растущую слабость, а потом заявил, что он не в состоянии больше служить хозяину, а потому должен умереть. Поздно вечером он покинул больницу и направился к месту счастливого освобождения. Укрывшись до наступления ночи, он пошел к стене и свободе.

Вначале все шло хорошо. Он в темноте вынырнул, устало доплыл до берега и пошел на юг по тому же маршруту, что и мы. Но он на несколько дней отставал от нас и отстал еще больше, когда лихорадка вынудила его пролежать несколько дней в заброшенном сарае, потев от слабости и умирая от голода. Он все еще был отчаянно слаб, когда снова двинулся в путь, и вскоре его остановила более серьезная болезнь. На этот раз, к счастью, за ним ухаживали: у него было воспаление легких. Его нашла женщина, сын которой несколько лет назад стал вагрантом после надевания шапки.

Оправившись, он убежал и продолжил свой путь. В буран добрался он до Белых гор и некоторое время был вынужден скрываться в долине, прежде чем начать подъем. В тоннеле его окликнул единственный дежурный, именно на этот случай и оставленный Джулиусом. Сегодня утром дежурный привел его в пещеры.

Все это я узнал позже. А в этот момент я просто смотрел, не веря своим глазам. Джулиус сказал:

– Я думаю, вы с ним сработаетесь. Как ты считаешь, Уилл?

И я понял, что улыбаюсь, как идиот.

Глава 2

Охота

Мы вышли на юго-восток, уходя от зимы. Вначале был крутой подъем, осложненный сугробами, по горному переходу, который нас привел в страну итальянцев, но потом идти стало легче. Миновав плодородную равнину, мы пришли к морю, которое билось о скалистые берега с маленькими рыбацкими гаванями. Оттуда мы уже пошли на юг, оставляя слева холмы и отдаленные горы, пока снова не настало время повернуть на запад.

Нас везде встречали радостно, не только из-за товаров, но и из-за того, что мы были новыми людьми, а в маленьких коммунах волей-неволей все слишком хорошо знают друг друга. Мы продавали ткани, резное дерево и маленькие деревянные часы из Черного Леса: наши люди захватили несколько барж на большой реке и доставили ими груз. Торговля шла хорошо: по большей части это были богатые сельскохозяйственные земли, женщины охотно покупали здесь обновки. Доход, помимо того, что шло на еду, выражался в золотых и серебряных монетах. Повсеместно нам охотно предоставляли жилье. В ответ на гостеприимство мы похищали детей хозяев.

Эту проблему я никак не мог разрешить для себя. Для Фрица все было ясно и очевидно: у нас есть долг, и мы обязаны его выполнить. Я понимал, что мы спасаем этих людей от уничтожения хозяевами, но все же завидовал прямолинейности Фрица. Отчасти это происходило потому, что я легче сходился с людьми. Фриц, дружелюбный в глубине души, внешне оставался неразговорчив и сдержан. Он лучше меня владел языками, но я больше разговаривал и гораздо больше смеялся. В каждом новом поселке я завязывал быстро хорошие отношения и часто уходил с истинным сожалением.

Еще в замке де ла Тур Роже я понял, что, хотя мужчина или женщина носит шапку и считает треножки огромными металлическими полубогами, это не мешает им во всех других отношениях оставаться людьми, способными на дружбу и любовь. Моя роль заключалась в том, чтобы общаться с ними и торговать. Я делал это, как мог, но не способен был при этом оставаться равнодушным. Было нелегко узнавать их, ценить их доброту и в то же время продолжать наше дело. В сущности, с их точки зрения, мы завоевывали их доверие, чтобы предать их. Мне часто становилось стыдно от того, что сами мы делали.

Нашу главную заботу составляли мальчишки, которым примерно через год должны были надеть шапку. Вначале мы завоевывали их интерес подкупом, раздавая мелкие подарки – ножи, свистки, кожаные пояса и тому подобное. Они толпились вокруг нас, и мы с ними разговаривали, искусно вызывая, кто из них начал сомневаться в праве треножников владеть человечеством и до какой степени простираются эти сомнения. Вскоре мы научились быстро распознавать потенциальных повстанцев.

А их оказалось гораздо больше, чем можно было предполагать. В самом начале я удивился, узнав, что Генри, которого знал с рождения и с которым много раз дрался, не меньше меня хочет освободиться от предстоящего обряда и от тесных рамок жизни, которую мы вели, он тоже сомневается в том, что старшие называли благословением, – в надевании шапки. Я не знал об этом, потому что на такие темы никто не разговаривал. Немыслимо было высказывать сомнения, но это не означало, что сомнений не существует. Постепенно нам стало ясно, что какие-то сомнения возникают у всех, кому предстоит надевание шапки. Для мальчишек было невероятным облегчением оказаться в обществе двух взрослых в шапках, но которые в отличие от родителей не запрещали говорить на загадочные темы, а, напротив, подбивали на это, внимательно слушали и говорили сами. Конечно, нам приходилось соблюдать осторожность. Вначале шли завуалированные намеки, вопросы, внешне невин-

ные. Наша задача заключалась в том, чтобы в каждой деревне найти одного-двух мальчиков, сочетавших умственную независимость с надежностью. Таких незадолго до своего ухода мы поодиночке отводили в сторону.

Мы рассказывали им правду о треножниках и о мире, о том, какую роль они могут сыграть в организации сопротивления. Сейчас уже нельзя было посылать их в наши штаб-квартиры. Напротив, они должны были оставаться в своих деревнях и поселках, организовывать группы до весеннего надевания шапок. Это должно было произойти много времени спустя после нашего ухода, чтобы избежать от подозрений. Они должны были найти место для жизни в стороне от людей в шапках, но так, чтобы оттуда можно было добывать пищу и наблюдать, набирая новых добровольцев. И там они должны были ждать новых указаний.

Мы мало что могли дать им: успех целиком зависел от их индивидуальных качеств и умения приспособливаться к обстановке. Мы давали им средства связи. У нас с собой были голуби в клетках, и мы время от времени оставляли новобранцам пару. Эти птицы могли через большие расстояния вернуться к месту, где они вылупились из яйца. Они переносили сообщения на листочках бумаги, привязанных к лапам.

Мы сообщали новым добровольцам опознавательные знаки: лента, вплетенная в гриву лошади, шляпа определенного фасона и надетая под определенным углом, определенные жесты, крики птиц. Договаривались о месте, где будет оставлено сообщение для нас или наших сменщиков. В сообщении должен быть указан путь к их убежищу. Кроме этого, мы ничего не могли им дать. Мы шли все дальше и дальше по пути, указанному Джулиусом.

Вначале мы часто видели треножники. Но потом они встречались все реже и реже. Не зима вызывала их неактивность, а отдаленность от города. В земле, называемой Эллада, нам рассказывали, что они появляются лишь несколько раз в году, а в восточной части этой страны треножники появлялись лишь раз в год на церемонии надевания шапок, и не в маленьких поселках, как в Англии: родители свозили детей с больших расстояний в одно место, где им надевали шапки. Конечно, это вполне объяснимо. Треножники могли передвигаться быстро, гораздо быстрее лошади, и безостановочно, но расстояние даже для них имело значение. Районы вблизи города они неизбежно должны были посещать чаще, чем отдаленные места. Для нас было большим облегчением оказаться на территории, где в это время года ни одно металлическое полушарие на трех суставчатых ногах не появится на фоне горизонта. К тому же возникала еще одна мысль. Два города хозяев расположены по краям огромного континента. Чем дальше мы отходили от города, тем слабее становился их контроль над местностью. Не значило ли это, что на полпути между городами существует территория, где их контроля нет совсем, где люди не носят шапок и свободны? На самом деле, как мы узнали позже, контролируемые территории перекрывали друг друга, и на середине между ними находились главным образом океан на юге и ледяные пустыни на севере. Те же земли, дальше к югу, которые они не контролировали, хозяева превратили в абсолютную пустыню.

Наша задача не стала легче, как можно было подумать, оттого, что здесь треножники встречались реже. Наоборот, по-видимому, из-за своей редкости они вызывали особое преклонение. Мы наконец добрались до места, где за полуостровом между двумя морями были развалины огромного города. Он сравнительно мало зарос растительностью, но выглядел гораздо более древним, чем другие. В городе находились большие деревянные купола на трех столбах, куда вели ступени. Здесь люди молились. Проводились длинные службы с продолжительным пением и плачем. Над каждым куполом стояла модель треножника, выложенная золотыми листьями.

Но мы и здесь сумели найти последователей. К тому времени мы стали очень искусны в своей работе.

Конечно, бывало и трудно. Хотя мы двигались на юг, в солнечные теплые земли, временами было холодно, особенно в высокогорных районах, и потому мы ночью, чтобы не замерзнуть, жались к своим лошадям. И долгие сухие дни в пустынных районах, когда мы беспокойно искали признаки воды, не столько для нас, сколько для лошадей. Мы полностью зависели от них, и для нас страшным ударом было, когда лошадь Фрица заболела и спустя несколько дней умерла. Я был настолько эгоистичным, что обрадовался, ведь это произошло не с моей лошадью, Кристом, которая мне очень нравилась. Если Фриц испытывал нечто подобное к своей лошади, то никак этого не проявлял.

Мы находились на краю пустыни и на большом удалении от обитаемых мест. Мы навьючили багаж на Криста и побрели в направлении ближайшей деревни. Уходя, мы видели, как с неба спустились большие отвратительные птицы и начали рвать мясо бедного животного. За час они очистят его до костей.

Это было утром. Мы шли весь день и половину следующего, прежде чем достигли нескольких хижин, жавшихся к небольшому оазису. Здесь не было никакой надежды получить лошадь, и мы шли еще три дня к поселку. Местные жители называли его городом, но он был не больше моей родной деревни Вертона. Здесь были лошади, а у нас было золото, чтобы заплатить за них. Трудности заключались в том, что в этой местности лошадью никогда не использовали для перевозки грузов. Украшенные дорогими попонами, они носили на себе важных и богатых людей. Мы не могли купить такую лошадь, потому что нанесли бы смертельное оскорбление местным обычаям, если бы взвалили на нее груз.

Но здесь были животные, которых я видел на рисунке в Белых горах. Тогда, глядя с любопытством на рисунок, я принял его за необъяснимый предмет древних. Теперь я увидел это животное в жизни. Выше лошади, оно покрыто жесткой коричневой шерстью, и у него на спине большой горб. Нам сказали, что в горбу находится запас воды, и животное может обходиться без воды дни и даже недели. Вместо копыт у него расплюснутые ступни с пальцами. Голова на длинной шее очень уродлива, с отвислыми губами, большими желтыми зубами и отвратительным запахом. Животное кажется неуклюжим, но может передвигаться удивительно быстро и переносить большие тяжести.

У нас с Фрицем произошел спор. Я хотел купить одно такое животное, он возражал. Я испытал обычное раздражение, когда мы в чем-то расходились. Мои страстные доводы в защиту этого предложения встретились с его упорным несогласием. Я негодовал – он возражал еще спокойнее; я негодовал сильнее... и так далее. Я перечислял достоинства животного, а он просто возражал, что мы достигли пункта, где должны повернуть назад и возвращаться к пещерам. Сколько бы ни было полезно оно в этой местности, там, где его не знают, оно будет казаться странным, а наша задача – не привлекать к себе внимания. К тому же, вероятно, продолжал Фриц, животное, привыкшее к жаркому климату, заболеет и сдохнет в северных землях.

Конечно, он был совершенно прав, но мы два дня спорили, прежде чем я сдался. И даже признался, что меня привлекла прежде всего причудливость этого животного. Я уже видел себя (бедный Крист был тут же забыт) едущим по улицам незнакомого города на раскачивающейся спине животного, а вокруг толпятся люди и...

За ту же сумму мы купили двух ослов – это были маленькие, но сильные и послушные животные – и навьючили на них товары. У нас хватило денег и на покупку местных товаров: фиников, различных пряностей, шелков, красивых ковров. Все это позже мы с выгодой продали. Но у нас были и неудачи. Много трудностей принес нам язык. Торговаться можно было при помощи жестов, но чтобы говорить о свободе и борьбе с рабством, нужны слова. К тому же здесь очень был силен культ треножников. Повсюду виднелись полушария, под самыми большими из них стояли навесы, откуда жрецы трижды в день призывали верующих

к молитве: на рассвете, в полдень и на закате. Мы вместе с остальными склоняли головы и что-то бормотали.

Так мы достигли обозначенной на карте реки – широкого теплого потока, который медленными змеиными изгибами тек по зеленой долине. И повернули назад.

Обратный путь был другим. Мы прошли через горы и выбрались к восточному берегу того моря, которое видели из развалин гигантского города на перешейке. Мы обогнули море с севера и запада и на этот раз хорошо использовали время, завоевав много последователей. Здесь говорили по-русски, а мы заранее немного изучили этот язык. Мы пришли на север, но лето перегоняло нас: земля была покрыта цветами, и я помню, как однажды мы целый день ехали в одуряющем аромате апельсинов, зреющих на ветках деревьев. По плану нам до наступления зимы нужно было вернуться к пещерам, и поэтому приходилось торопиться.

Конечно, мы одновременно приближались и к городу хозяев. Время от времени на горизонте показывались треножники. Впрочем, вблизи мы их не видели и были благодарны и за это. Точнее, не видели до дня охоты.

* * *

Хозяева, как мы уже знали, по-разному обращались с людьми в шапках. Может, разнообразие человеческих обычаев забавляло их – сами они всегда представляли одну расу, и национальные различия, языки, войны, которые вели между собой народы, – все это было им совершенно незнакомо. Во всяком случае, хотя они покончили с войнами, все другие формы различий они поощряли. Так, в церемонии надевания шапок они подчинялись ритуалу, выработанному их рабами, и появлялись в определенное время с характерным звуком, совершая предписанные движения. На турнирах во Франции и на играх они терпеливо ждали, хотя их интересовали только рабы, которых они получали в конце. Возможно, как я уже сказал, это их забавляло. А может, они думали, что это соответствует их роли богов. Во всяком случае, мы увидели необычное и ужасное доказательство этого, когда от конца пути нас отделяло несколько сотен миль.

Много дней двигались мы вдоль большой реки, на которой, как и на той реке, по которой мы добирались до игр, шло большое движение. Там, где на пути нам встретились руины гигантского города, мы вступили в более возвышенную область. Земля была хорошо обработана, обширные участки занимали виноградники, с которых уже сняли урожай. Местность была густо населена, и мы остановились на ночь в городе на противоположном от руин берегу реки. За городом начиналась обширная равнина, освещенная осенним закатом.

Город был наполнен возбужденными толпами, люди приезжали за пятьдесят миль для того, чтобы присутствовать на следующий день на торжественной церемонии. Мы расспрашивали, и нам с готовностью ответили. То, что мы узнали, было ужасно.

Следующий день называли по-разному: день охоты или день наказания.

У меня на родине, в Англии, убийцу вешали – это жестоко и отвратительно, но по крайней мере понятна необходимость защиты невинных; к тому же это делалось быстро и как можно гуманнее. Здесь, напротив, преступников содержали в тюрьме до осеннего дня, когда созревал виноград и было готово свежее вино. Тогда приходил треножник, и приговоренных выпускали одного за другим. Треножник охотился за ними, а горожане смотрели, пили вино и обсуждали зрелище. Завтра предстояла охота на четверых – больше, чем за многие предыдущие годы. Поэтому зрители были особенно возбуждены. Новое вино не полагалось пить до завтрашнего дня, но было достаточно и старого, и многие утоляли им жажду, предвкушая завтрашнее развлечение.

– Мы можем уйти на рассвете. Нам незачем оставаться и видеть это.

Фриц спокойно взглянул на меня.

– Но мы должны, Уилл.

– Смотреть, как человека, сколь бы велико ни было его преступление, как зайца, преследует треножник? А другие люди в это время заключают пари, сколько он продержится? – Я рассердился и не скрывал этого. – Я не назвал бы это развлечением.

– Я тоже. Но все, связанное с треножниками, важно. Все равно как тогда, когда мы были в городе. Ничего нельзя упустить.

– Тогда ты и смотри. Я подожду тебя на следующей остановке.

– Нет. – Он говорил терпеливо, но решительно. – Нам приказано действовать вместе. К тому же на пути к следующей остановке Макс может оступиться, сбросить меня, и я сломаю шею.

Макс и Мориц – так он назвал наших ослов по какой-то истории, которую немецким детям рассказывали родители. Мы оба улыбнулись, представив себе, как основательный Макс спотыкается. Но я понял, что Фриц прав: наша задача – наблюдать и не отказываться от наблюдений, даже если они нам неприятны.

– Да уж ладно, – сказал я. – Но как только все будет кончено, мы выступим. Не хочу ни на одну минуту здесь задерживаться.

Он осмотрел кафе, где мы сидели. Посетители пели пьяными голосами, стучали стаканами по столам, расплескивая вино. Фриц кивнул:

– Я тоже.

Треножник пришел ночью. Утром он, как огромный часовой, стоял у города, неподвижный, молчаливый, как те треножники, что возвышались над турнирным полем в замке де ла Тур Роже и над полем игр. Наступил день праздника. Всюду были развешены флаги, от крыши к крыше через узкие улицы протянулись ленты, уличные торговцы вышли рано с горячими сосисками, сладостями, бутербродами с мясом и луком, лентами и безделушками. Я видел у одного из них лоток, на котором стояло с десяток маленьких деревянных треножников. Каждый треножник держал в вытянутом щупальце человечка. Торговец был веселый, краснощекий; и преуспевающий фермер, в гамашах, с седой головой, купил два треножника своим внукам: аккуратному мальчику и девочке с прической хвостиком шести-семи лет.

Шла борьба за лучшие места. Я не хотел добиваться одного из них, но Фриц уже заранее все обеспечил. Многие домовладельцы, чьи окна выходили на равнину, продавали места у них, и он купил для нас два места. Цена была высокая, но в нее входило вино и сосиски. А также использование увеличительных стекол.

Я уже видел в витрине множество биноклей и решил, что здесь центр их изготовления. Но тогда мне не ясна была связь с предстоящим зрелищем. Теперь я понял: под нами толпились люди, и солнце отражалось во множестве стекол. Неподалеку, там, где дорога круто спускалась в долину, кто-то установил телескоп на треноге. Владелец телескопа кричал:

– Замечательное зрелище! Пятьдесят грошей за десять секунд! Десять шиллингов за сцену смерти! Так близко, будто на другой стороне улицы!

Напряжение в толпе росло. Заключались пари, сколько продлится охота, далеко ли уйдет человек. Вначале мне казалось это нелепым. Я не понимал, как он вообще может уйти. Но кто-то в комнате объяснил мне. Преступнику дают лошадь. Конечно, треножник легко перегонит лошадь, но человек, используя складки местности, может продержаться даже с четверть часа.

Я спросил, сумел ли кто-нибудь спастись. Мой собеседник покачал головой. Теоретически это возможно: существовало правило, что за рекой охота кончается. Но за все годы, когда велась охота, никому не удалось туда добраться.

Неожиданно толпа зашумела. Я увидел, как на поле, над которым возвышался треножник, вывели оседланную лошадь. Служители в серых мундирах привели человека, одетого в белое. В бинокль я разглядел, что это высокий, очень худой мужчина примерно трид-

цати лет, выглядевший испуганным и озлобленным. Ему помогли сесть верхом, служители с обеих сторон держали поводья. Шум усилился. Послышался звон церковного колокола: пробило девять часов. При последнем ударе служители отскочили, хлопнув лошадь по боку. Она прыгнула вперед, и толпа испустила возбужденный крик.

Преступник скакал вниз по холму к отдаленно блестящей реке. Он проскакал не менее четверти мили, прежде чем треножник шевельнулся. Поднялась огромная металлическая нога, затем другая. Треножник не торопился. Я подумал о человеке на лошади и ощутил его страх. Оглянулся. Фриц, как всегда, смотрел с невозмутимым выражением лица. А остальные... их лица вызывали у меня большее отвращение, чем то, что происходило снаружи.

Охота длилась недолго. Треножник настиг человека, когда тот поднимался по обнаженному коричневому склону виноградника. Щупальце подняло его с той аккуратностью, с какой девушка вдевает нитку в иголку. Зрители снова закричали. Щупальце держало бьющуюся куклу. А потом второе щупальце двинулось...

Меня вывернуло наизнанку. Я стремглав выбежал из комнаты.

Когда я вернулся, в комнате была уже другая атмосфера: лихорадочное возбуждение сменилось расслаблением. Люди пили вино и говорили об охоте. Плохой образец, решили они. Один из них, кажется, слуга из ближайшего замка графа, проиграл пари и особенно негодовал. Мое появление встретили смехом и язвительными замечаниями. Они говорили, что я чужеземец со слабыми нервами, и советовали мне подкрепиться вином. Снаружи тоже расслабление, почти пресыщение. Выплачивались ставки, шла оживленная торговля горячими пирожками и сладостями. Я заметил, что треножник вернулся на исходную позицию.

Постепенно напряжение снова стало нарастать. В десять часов церемония повторилась – с тем же самым ростом возбуждения, с теми же криками, когда началась охота. Вторая жертва доставила зрителям больше удовольствия. Преступник прекрасно владел лошадью и в первый раз сумел увернуться от щупальца под прикрытием деревьев. Когда он выбрался на открытое место, я хотел крикнуть ему, чтобы он оставался в укрытии. Но это не дало бы ему ничего, и он это знал: треножник мог вырвать вокруг него все деревья. Человек устремился к реке. Я видел, что впереди, в полумиле от него, была всего одна рощица. Но он не успел доскакать до нее. Щупальце двинулось к нему. Резко повернув лошадь, он сумел сначала увернуться, так что металлическая веревка ударилась о землю. Я подумал, что у него есть шанс добраться до рощи, а там уже близко река. Но вторая попытка треножника была точнее. Тело человека взвилось в воздух и было разорвано на части. Толпа затихла, и в чистом осеннем воздухе прозвучал крик агонии.

После этого убийства я не возвращался... Есть пределы, через которые я не смог переступить, даже повинувшись долгу. Фриц остался, но когда я потом увидел его, он был угрюм и даже более молчалив, чем обычно.

Несколько недель спустя мы добрались до пещер. Их мрачные глубины казались странно приветливыми – убежище от мира, в котором мы странствовали почти год. Нас окружили каменные стены, тепло мерцали огоньки ламп. Но самое главное – мы были свободны от напряжения, которое всегда испытывали, общаясь с людьми в шапках. А здесь нас окружали свободные люди.

Три дня мы отдыхали, исполняя лишь обычные обязанности. Затем получили очередные распоряжения от местного начальника – немца по имени Отто. Через два дня нам предстояло сделать доклад в месте, обозначенном точкой на карте. Отто сам не знал, где это.

Глава 3

Зеленый человек на зеленой лошади

Путь занял у нас два дня, большую часть его мы ехали верхом. Приближалась зима, дни укорачивались, короткое бабье лето сменилось холодной неустойчивой погодой. Одно утро нам пришлось ехать под холодным дождем. Первую ночь мы провели в небольшой гостинице, но на второй день вечер застал нас в пустынной местности. Поблизости не видно было ни пастуха, ни пастушьей хижины.

Мы знали, что приближаемся к концу пути. На вершине холма мы остановили лошадей. Внизу лежало море. Волны бились о хмурый скалистый берег. Только... На севере, на самом краю видимости, что-то торчало, как поднятый палец. Я показал его Фрицу, он кивнул, и мы направились туда.

Подъехав ближе, мы увидели развалины замка на скалистом мысу. Еще ближе стала видна небольшая гавань, тоже в развалинах, но более современного вида. Вероятно, дома рыбаков. Когда-то здесь был рыбацкий поселок, но теперь он пустовал. Мы не видели признаков жизни ни в поселке, ни в замке, который черным силуэтом вырисовывался на фоне темнеющего неба. Разбитая дорога вела к воротам замка, где виднелась покосившаяся деревянная створка, обитая железом. Проехав в ворота, мы оказались во дворе.

Он был пуст и обширен, но мы спешили и привязали лошадей к железному пруту, который использовался для этой цели, наверно, и тысячу лет назад. Даже если мы неверно поняли отметку на карте, все равно нам придется отложить поиски на утро. Но я не мог поверить в то, что мы ошиблись. В амбразуре окна я рассмотрел отблески света и тронул Фрица за руку, показывая туда. Свет исчез и спустя миг появился дальше. Я догадался, что где-то есть дверь, и свет движется в том направлении. Мы пошли туда и увидели уходящего вниз коридора человека с лампой. Он поднял лампу, освещая наши лица.

– Вы немного опоздали. Мы ждали вас еще днем.

Я со смехом пошел вперед. Лица мне по-прежнему не было видно, но голос я узнал: Бинпол!

Часть помещений, выходящих главным образом в сторону моря, и подвалы были расчищены и приспособлены для жизни. Нас накормили горячим ужином: жаркое, домашнего приготовления хлеб с французским сыром в форме колеса, пыльно-белым снаружи, масляно-желтым изнутри, с прекрасным острым вкусом. Была и горячая вода для мытья, и постели с чистыми простынями. Мы отлично выспались под рокот волн, разбивающихся о скалы, и проснулись освеженными. Завтракали мы вместе со всеми, в том числе с Бинполом. Я узнал двоих или троих. Это все были члены группы, изучавшей чудеса древних. Пока мы ели, появился еще один знакомый человек. С улыбкой, хромя, к нам шел Джулиус.

– Добро пожаловать, Фриц. И Уилл. Приятно снова видеть вас.

Мы расспрашивали Бинпола и получали уклончивые ответы. Он сказал, что нам все объяснят утром. И после завтрака мы с Джулиусом и полудюжиной других пошли в большую комнату на первом этаже замка. Огромное окно выходило на море, в огромном очаге пылала дрова. Мы сели на стулья за длинный, грубо вырубленный стол без особого порядка. Заговорил Джулиус:

– Сначала я удовлетворю любопытство Уилла и Фрица. – Он посмотрел на нас. – Это одно из нескольких мест, где ведутся поиски средств, способных привести к поражению хозяев. Было выдвинуто много идей, в том числе немало очень остроумных. Но у всех них есть недостатки, и самый существенный – несмотря на ваши сообщения, мы очень мало знаем о враге.

Он немного помолчал.

– Этим летом на игры было послано второе трио. Только один его член сумел победить и был взят в город. С тех пор мы ничего о нем не знаем. Может, он еще спасется – мы надеемся на это, – но не можем от этого зависеть. Во всяком случае, сомнительно, чтобы он доставил нужную нам информацию. Решено, что прежде всего нам необходимо захватить одного из хозяев, и желательно живым, чтобы мы могли его изучить.

Должно быть, у меня на лице появилось скептическое выражение. Мне уже говорили, что лицо у меня все выражает. Во всяком случае, Джулиус сказал:

– Да, Уилл, можно подумать, что это немыслимо. Но не совсем так. Именно поэтому мы и вызвали вас. Вы видели треножник изнутри, когда вас доставляли в город. Вы уже описывали его нам, и достаточно подробно. Но если мы хотим захватить хозяина, его нужно извлечь из этой металлической крепости, в которой он шагает по нашей земле. И здесь будет полезна любая, даже самая незначительная деталь, которую вы сумеете вспомнить.

Фриц сказал:

– Вы говорите о том, чтобы захватить хозяина живым. Но как это сделать? Как только он выйдет из треножника, то через несколько секунд задохнется в нашей атмосфере.

– Правильное возражение, – сказал Джулиус, – но у нас есть на него ответ. Вы привезли с собой образец из города. Мы научились изготавливать зеленый воздух, которым дышат хозяева. В этом замке уже подготовлено герметическое помещение с шлюзом.

– Но если привести сюда треножник и тут разбить его, – продолжал возражать Фриц, – за ним явятся другие. Они легко смогут уничтожить весь замок.

– У нас есть герметический ящик, достаточно большой, чтобы вместить одного хозяина. Если мы сумеем захватить его дальше на берегу, то сюда его можно будет доставить на лодке.

– А как его захватить, сэр? – спросил я. – Не думаю, чтобы это было легко.

– Конечно, нелегко, – согласился Джулиус со мной. – Но мы изучали хозяев. Они педанты и всегда следуют заведенному порядку. Мы отметили время и место появления многих треножников. В пятидесяти милях к северу отсюда есть место, где раз в девять дней проходит треножник. Он идет по неровной местности на берегу моря. От одного его появления до другого у нас есть девять суток, чтобы выкопать яму и накрыть ее ветвями и землей. Треножник упадет, и нам останется извлечь хозяина, посадить в ящик и отнести в лодку, которая будет прятаться поблизости. Из вашего с Фрицем рассказа следует, что они дышат медленно – особой опасности, что он задохнется перед тем, как мы наденем на него маску, нет.

Фриц возразил:

– Они могут связаться с другими треножниками и с городами по невидимым лучам.

Джулиус улыбнулся:

– Мы можем справиться и с этим. Теперь расскажите нам о треножниках. Перед вами бумага и карандаш. Рисуйте, делайте чертежи. Вспоминайте все, до мельчайших подробностей.

Перед тем как двинуться на север, мы неделю провели в замке. За это время я от Бинпола и остальных узнал немного о тех огромных успехах, которые были достигнуты в изучении тайн древних. Была организована экспедиция в развалины города-гиганта, и там нашли библиотеку с тысячами и тысячами книг, рассказывающих о чудесах мира, еще до треножников. Эти книги дали нам доступ в мир знаний. Бинпол сказал, что теперь мы можем делать лампы, которые благодаря электричеству дают более яркий свет, чем масляные лампы и свечи, к которым мы привыкли. Можно было получать тепло от сооружения из проводов, можно было построить экипаж, который движется без лошадей. Когда Бинпол сказал это, я вопросительно взглянул на него.

– Значит, можно снова пустить в ход шмен-фе?

– И очень легко. Мы знаем, как плавить металл, умеем изготавливать искусственный камень, который древние называли бетоном. Можем снова строить огромные здания, создавать города-гиганты. Можем посылать и сообщения по невидимым лучам, как это делают хозяева, можем даже передавать по воздуху изображения. Мы очень многое можем сделать или научиться делать за короткое время. Но мы сосредоточились лишь на том, что даст немедленную помощь в борьбе с хозяевами. Например, в одной из лабораторий мы построили машину, которая при помощи высокой температуры режет металл. Эта машина будет ждать нас на севере.

Лаборатории, подумал я, где же они? Мой мозг был смущен услышанным. Мы многое узнали после расставания, но его знания были обширнее и удивительнее моих. Он выглядел гораздо старше. Неуклюжее сооружение из линз, которое он носил, когда мы впервые встретились в прокуренной таверне в рыбацьем французском городке, сменилось новыми симпатичными очками, аккуратно сидевшими на длинном тонком носу и придававшими ему взрослый и авторитетный вид. То, что это сооружение называется очками, нам сказал Бинпол. Их носили многие ученые. Очки, ученые... так много слов, выходящих за пределы моего кругозора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.